

родных со своей жизнью, но рассказывать было нечего: кроме работы, построений для проверок и бытовых деталей было не о чем поведать. Поэтому ее письма и полны мелких подробностей лагерной жизни. Но, что удивительно, постепенно начинаешь с увлечением следить за ходом ее мысли, за этими подробностями бытия в заключении, это чтение затягивает посильнее, чем какой-либо детектив, и ты начинаешь проникаться симпатией и сочувствием к переживаниям узницы.

Весь ее смысл жизни свелся к ожиданию. Вот цитата из ее письма: «Мне здесь не плохо, кормят хорошо, работа по моей силе, но, главное, тоска заедает по воле и по вас, мои дорогие. Так хочется к вам прилететь, да крылья обрезаны. Я завидую на здешних обывателей, которые отбывают по 5-10 сроков. Они так свыклись с окружающей обстановкой, что о лучшем и не мечтают. Они семьи не имеют, определенного места жительства – тоже, и им это – дом родной, а не тюрьма. Но здесь есть и такие, у которых глаза не высыхают от слез. Одна из наших санитарок оставила дома 5 человек детей, двух стариков, мужа на фронте, все полное хозяйство и теперь горюет обо всем и только и думает, как бы домой попасть к своим деткам. Так и я только и мечтаю, как бы мне увидеть вас, особенно сердце болит по Мике».

10 лет заключения совершенно не соответствуют, на наш взгляд, тому проступку, который она совершила. Да и проступок ли это – учить детей? Ведь и Янош Корчак преподавал в школе при немцах, но кто бросит в него камень, обвинит его в предательстве? Увы, во время войны в нашей стране законы были не только строгими, но и жестокими. Но, как знать, можно ли было поступать власти в жестокое время по-другому? Смогла бы наша страна победить самого злейшего своего врага, гитлеровский нацизм, без этих строгостей, граничащих и переходящих в жестокость?

Хотя, видимо, решение судить или миловать, наказать «сотрудничавших» или простить – во многом зависела и от местного начальства. В селе Званном три учительницы, работавшие в школе во время оккупации, не были осуждены, хотя в список «сотрудничавших» попали. Этот список хранился в сейфе у председателя сельсовета до конца советского периода, до 1991 года.

Нина Александровна стойчески воспринимала свое заключение. Она не жаловалась на режим содержания и неудобства, поскольку могла за подобные высказывания быть наказана. Ни словом не обмолвилась на несправедливость наказания, не высказала ни одного упрека власти. Иногда только